

— Простите, задержался в дороге. Не обижайтесь.

На словах Си Ин просил прощения и говорил не обижаться, но ни на лице, ни в глазах не было ни капли сожаления или стыда.

Наоборот, он выглядел так, словно опоздание было само собой разумеющимся.

— Внимание: появился злобный второстепенный злодей, — напомнил 1107 Чи Хуайпаню.

Услышав его, Чи Хуайпань поднял бровь.

Он взглянул на Цзян Цзинсина, у которого на лице читалось безмолвное отчаяние, и сразу понял: вот тот самый человек, которого навязал инвестор.

— Ты всё-таки помнишь, что сюда надо прийти, Си Ин? Только зря пришёл. Мы уже закончили работу.

На губах Цзян Цзинсина появилась насмешливая улыбка.

Улыбка на лице Си Ина дрогнула.

— Режиссёр Цзян, что вы имеете в виду? Я вообще-то третий мужской актёр.

— Именно то, что сказал. Время вышло — снимать уже нельзя.

Чи Хуайпань нахмурился, услышав Си Ина.

Тот взбесился и с угрозой обратился к Цзян Цзинсину:

— А он кто такой? Какое у него право открывать рот? Режиссёр Цзян, только не говорите, что нашли его мне на замену. Вы ведь не забыли, что обещали президенту Чжану?

— Хватит гавкать. Табличку у двери не видишь?

Су Хэнфан перебил Си Ина, который явно собирался продолжить.

Услышав его, все посмотрели на висевшую у двери табличку.

На ней было написано:

□Злым собакам вход воспрещён. Просьба не лаять. Здесь нужна тишина.□

Прочитав, окружающие не удержались от смеха.

Си Ин стиснул зубы и злобно уставился на Су Хэнфана,

будто перед ним стоял страшный преступник.

—

Чи Хуайпань был вынужден признать: Су Хэнфан умеет разговаривать. Впервые он ощутил истинную силу языка табличек.

— Предупреждаю тебя ещё раз, Си Ин. Если будет следующий раз — не вини меня за беспощадность.

Цзян Цзинсин снова предупредил его.

От злости лицо Си Ина покраснело.

— Не надо тайком хвалить меня за красоту. Ещё немного — и я поверю в себя настолько, что уйду из писателей в актёры и начну отнимать у тебя работу. А если ты проиграешь конкуренцию — будет совсем некрасиво.

После слов Чи Хуайпаня выражение лица Си Ина стало ещё интереснее. В конце концов он лишь зло бросил:

— Вы ещё пожалеете.

И ушёл.

— Что за людей ты набираешь? Качество слишком низкое.

Су Хэнфан нахмурился и без колебаний раскритиковал вкус Цзян Цзинсина.

— Не на меня смотри. Его инвестор запихнул.

Цзян Цзинсин изобразил полную невиновность.

— Тогда понятно. А почему не отказал? — Су Хэнфан словно прозрел.

Окружающие почти все разошлись. Остались только они двое и Чи Хуайпань.

Цзян Цзинсин странно посмотрел сначала на Чи Хуайпаня, потом на Су Хэнфана и озадаченно спросил:

— Почему вы оба задаёте один и тот же вопрос?

Су Хэнфан поднял глаза на Чи Хуайпаня. В его взгляде мелькнуло удивление.

— Ладно, наверняка денег не хватает.

Он проигнорировал вопрос Цзян Цзинсина и сам дал ответ.

—

Психика Цзян Цзинсина получила урон ×100.

— Всё, хватит. Предок мой, уходи уже. И ты, Хуайпань, иди отдыхай. В восемь вечера просто сделаете репост публикации группы.

Цзян Цзинсин подтолкнул Су Хэнфана и повернулся к Чи Хуайпаню.

— А где достоинство режиссёра?

Чи Хуайпань сегодня действительно расширил кругозор. Более жалкого режиссёра он в жизни не видел.

— Твои слова разбивают мне сердце.

Правда, всего на две секунды.

Пережив сердечную боль, Цзян Цзинсин тут же снова начал выгонять их отдыхать и пробормотал себе под нос:

— Вы двое и правда одного поля ягоды.

Су Хэнфан и Чи Хуайпань вместе вышли из здания.

— Подожди немного. Я сниму грим.

Су Хэнфан остановил собравшегося уходить Чи Хуайпаня.

— Зачем?

Чи Хуайпань ничего не понимал.

— Потом узнаешь.

Су Хэнфан не стал объяснять.

С этими словами он широким шагом направился в гримёрную. Чи Хуайпаню оставалось только быстро последовать за ним.

Солнце уже клонилось к закату, небо окрасилось багровым вечерним светом.

Лучи падали на двоих, а на земле вытягивались их тени.

Когда Су Хэнфан закончил, уже наступил вечер и сильно стемнело.

Он привёл Чи Хуайпаня в довольно уединённый ресторан.

Интерьер был спокойным и изящным, внутри чисто, посетителей немного.

За редкими столиками сидели в основном пожилые люди, но место всё равно не казалось холодным и пустым — здесь ощущалась живая повседневность.

— Не так я себе это представлял, — вдруг ни с того ни с сего сказал Чи Хуайпань.

— ? Что именно?

Су Хэнфан налил чашку чая и подвинул к нему.

— Ничего. Так то дело, о котором ты говорил, — ты хотел угостить меня ужином?

Чи Хуайпань сделал глоток. Свежая горечь мгновенно ударила по языку.

— Ты же хотел, чтобы я тебя отблагодарил? — в ответ спросил Су Хэнфан.

—

Чи Хуайпань замолчал.

— Я думал, императоры экрана ходят только в те дорожные рестораны, где еда отвратительная. Оказывается, хоть один человек сохранил рассудок.

Чи Хуайпань огляделся и мысленно пожаловался сидевшему в сумке 1107.

—

1107 на мгновение лишился дара речи.

— Твои мысли вообще могут хоть раз двигаться в нормальном направлении? Какой нормальный человек подумает о таком?

1107 ощутил необъяснимую усталость. Может его хозяин хоть иногда будет думать о задании, а?!

— Что здесь ненормального? Всё совершенно нормально.

Чи Хуайпань был собой крайне доволен.

1107 окончательно онемел.

Ровно в восемь вечера вышли рекламные материалы «Улуна».

«Улун» рассказывал о загадочном преступлении.

В женском общежитии университета Z в городе Z произошло убийство.

Это было умышленное убийство: все четыре девушки из одной комнаты погибли мучительной смертью. На месте преступления остались кинжал и бутылка чая улун.

Расследование поручили Цзян Чжицзиню. В ходе дела он и его напарники быстро сосредоточили внимание на двух подозреваемых из соседней комнаты общежития.

Сюй Ин и Яо Цзя.

Сюй Ин был бедным студентом. Девушки из погибшей комнаты постоянно задирали его, да и сам он не пользовался симпатией окружающих.

Яо Цзя, напротив, казалась ничем не примечательным обычным человеком.

Вначале больше всего подозревали Сюй Ина, однако достаточных доказательств не было.

По мере расследования всё больше подозрительных деталей указывало на Яо Цзя.

Выяснилось, что Яо Цзя была очень близка с Юй Инь. Они часто вместе что-то покупали, и за многое платила именно Юй Инь.

У Яо Цзя были серьёзные психологические проблемы. Она была корыстной, тщеславной и прекрасно умела притворяться.

В итоге выяснилось: когда Юй Инь сблизилась со своими соседками по комнате настолько, что их отношения стали теснее, чем её отношения с Яо Цзя, последняя не смогла с этим смириться. Днём, когда девушек не было, она проникла в их комнату и заранее всё подготовила, чтобы отвести от себя подозрения.

Даже после ареста Яо Цзя продолжала считать, что не сделала ничего плохого и всё произошло так, как должно было.

А в ходе расследования Цзян Чжицзинь заодно нашёл настоящую убийцу собственной матери, погибшей много лет назад, — мать Яо Цзя.

<http://bllate.org/book/19033/1901794>